

События происходят во время четвёртого тома второй части (7 том по сквозной нумерации)

— Никола, ты бы видела сейчас своё лицо, — сказала Моника.

Я бросила на нее свирепый взгляд, прижимая одну из своих косичек к щеке.

— Это только из-за того что мы впервые идем в благородную часть храма, — запротестовала я, пытаясь защититься.

Но потом я заметила, что взор ее темно-карих глаз, тоже был полон тревожной робости. Она всегда была более спокойной и зрелой из нас, поэтому, видя, как она волнуется, я и сама немного успокоилась.

Нас вряд ли можно было обвинить в глупой, необоснованной тревоге — только взрослым разрешалось убираться в благородной части храма, поэтому до сих пор мы с Моникой убирали только приют и часовню. Но теперь госпожа Розмайн взяла нас обоих на службу в качестве слуг-учеников, и местом проживания её сейчас были не покои директора приюта, а комнаты главы храма. Мы будем жить там с ней в благородной части храма, и поэтому Фран собирался устроить нам экскурсию, с собой в качестве провожатого.

Мы будем слугами-учениками в комнатах главы храма, несмотря на то, что мы еще даже не привыкли к покоям директора приюта...

Мы с Моникой регулярно посещали покои директора приюта в течение зимы, чтобы помочь с приготовлением пищи, так что нам они были хоть немного привычны. Но поскольку мы ходили только на кухню, трудно было сказать, что мы очень уж привыкли или привязались к этому месту.

— В покоях директора детского дома все гораздо проще и спокойнее. Поскольку в благородной части храма живут синие жрецы, там не будет такого же снисходительного отношения, как здесь, — сказала Розина, сделав короткую паузу в написании чего-то, что поручил ей выполнить Фран.

— Пожалуйста, не говори так, Розина. Это только заставляет меня нервничать еще больше...

Единственной синей священницей в приюте была добросердечная госпожа Розмайн, и хоть это и означало, что атмосфера в покоях директора приюта была очень непринужденной, но подобного и близко не будет в дворянском районе. Там была недопустима ни малейшая ошибка — мысль, которая заставила меня снова задрожать.

— Все будет хорошо, Никола. Фран и госпожа Розмайн очень заботливые и деликатные, —

сказала Моника.

— Ты права. Все будет хорошо, — успокоила я себя, сжимая ее руку в попытке помочь нам обоим успокоиться.

Розина грациозно склонила голову.

— О нет, Фран довольно суров. «Заботливый и деликатный» — это последние слова, которое я бы использовала, чтобы описать его.

— И о чем вы ведете беседу? — раздался тихий голос Франа.

Я почти что подпрыгнула, увидев его карие глаза, вззирающие на нас сверху вниз, но Розина просто улыбнулась, как будто этот разговор был каким-то пустяком, и протянула ему несколько дощечек.

— Ничего важного. Тебе самое время отправиться в благородную часть, верно? Я все закончила.

— Я очень признателен тебе, Розина. А теперь позаботься о госпоже Розмайн, пока меня не будет. Главный священник сказал дать ей выпить зелье, если она проснётся, — ответил Фран, не настаивая на своем предыдущем вопросе, несмотря на то, что, он несомненно, слышал, что сказала Розина.

Я так и знала! Фран — добрый человек, который знает, как вести себя по-взрослому!

— Моника. Никола. Следуйте за мной.

Оставив прикованную к постели госпожу Розмайн на попечение Розины, Фран вышел из кабинета директора приюта вместе со мной и Моникой. Зал сразу за дверью был частью второго этажа здания для мальчиков.

— В храме синие священники и священницы пользуются вторым и третьим этажами. Дворянская часть отличается от комнат директора приюта тем, что все слуги живут на первом этаже, в то время как кухня и помещения для прислуги находятся в подвале.

— Значит, мы будем находится на от кухни дальше, чем сейчас? — спросила я, слегка жалуясь тоном голоса, так как я так часто ходила туда, чтобы помочь Элле.

Фран ответил озадаченным хмурым взглядом.

— Расстояние до колодца станет еще больше, то есть покои главы храма расположены дальше всего от него. Но даже в этом случае...

Он указал на колодец, который был виден из коридора. Это было очень близко к палатам директора приюта, так что нам обычно просто нужно было подняться и спуститься по лестнице, чтобы добраться до него. Но с сегодняшнего дня наша ежедневная задача по доставке воды станет намного сложнее.

— Вы не должны пользоваться коридорами второго этажа, когда несете воду. Пользуйтесь западным входом в благородную часть и войдите в покои главы храма через подвал.

Западный вход предназначался для слуг и простолюдинов, которые приносили пожертвования, такие как еда. Очевидно, нам нужно будет проходить этим путем, при доставке воды и стирке одежды, чтобы синие священника не увидели нас за работой.

Моника с глубоким отчаянием в глазах посмотрела на колодец.

— Похоже, что я буду ненавидеть зиму сильнее, чем когда-либо прежде, — сказала она, и мысль о том, что придется так далеко пробираться по снегу, чтобы набрать воды, заставила меня согласиться с ее словами всем сердцем.

— Я уверена, что Элла будет выглядеть такой же грустной, как и ты... — ответила я.

Во время нашего с Моникой короткого разговора, Фран уже следовал к двери в благородную часть храма, поэтому мы поспешили догнать его. Позади и сбоку от алтаря часовни находились кладовые для всевозможной сезонной религиозной утвари, а также келья покаяния, где когда-то очень часто гостил Гил — бывший проблемный ребенок. По его словам, это была небольшая комната, где нужно было молиться богам рядом с алтарём, пока не получишь прощение.

О, а меня ведь никогда не отправляли в келью для покаяния! Ведь я прилежно выполняю все свои обязанности!

Мы прошли мимо них, и вскоре показались двери в благородную часть. В настоящее время они были открыты, так как весна подходила к концу и стояла хорошая погода, но зимой их почти постоянно держали закрытыми. Коридоры за ними сильно отличались от тех, что были в приюте, с причудливо украшенными столами, позади и рядом с которыми, покрывая стены, висели гобелены и картины.

— Пойдем, Никола, — сказала Моника с застывшим лицом, взяв меня за руку и испуганно переступив порог. Как только мы оказались в благородной части, стала видна дверь, в обе стороны от которой тянулись коридоры.

— Слева находятся покои для синих священников, которые живут в храме. Справа, на южной

стороне, ближе к главному входу в храм, находятся покои синих священников, которые наезжают сюда из дворянского района. Северная сторона, ближе к дворянскому району, гораздо просторнее и содержит покои для выходцев из семей с более высоким статусом. Поскольку госпожа Розмайн — глава храма, которую скоро удочерит герцог, она будет переведена в покои главы храма, расположенные в самой северо-западной точке храма, — сказал Фран, заканчивая свое объяснение, упомянув в добавок, что в настоящее время в храм из своих родовых домов вернулись три синих священника.

Затем Фран повернул направо и быстро прошел мимо комнат, которыми пользовались те синие священники, которые не жили постоянно в храме. Мы с Моникой последовали за ним, немного прибавляя шагу, чтобы не отстать. Он шел намного быстрее, чем когда был с госпожой Розмайн.

— Комнаты здесь не очень большие, — сказала Моника, ее собранные в пучок темно-зеленые волосы, повторяющие стиль Вильмы, покачивались за головой, как хвост, когда она с любопытством оглядывалась вокруг. Они действительно казались намного более тесными, чем комнаты директора приюта.

— Священникам, что не живут в храме, не требуются кровати, и лестницы, которыми пользуются служители, не ведут напрямую в их палаты.

— Тогда как же их слуги добираются на нужное им место?

— Здесь есть лестницы исключительно для слуг. Они идут из подвала на третий этаж, и ими пользуются все слуги, которые служат синим священникам, не проживающим в храме, — объяснил Фран. На лестнице, очевидно, бывало очень оживленно и многолюдно, так как священники обычно прибывали и отбывали примерно в одно и то же время.

— Хорошо, что у нашей госпожи в покоях есть отдельные лестницы.

— Да, но слуги священников, живущих в храме, должны заниматься стиркой одежды, купанием своих хозяев, заботой о гостях и так далее. В целом у нас гораздо больше работы, что делает неверным утверждение, что в целом нам легче.

О, ничего себе... Я и не знала, что существует так много различий между священниками, постоянно живущими в храме, и теми что только прибывают сюда днем.

Я задумчиво кивала, обдумывая пришедшие мне в голову мысли, пока мы шли до конца коридора. Повернув налево, мы оказались в просторном помещении, которое было освещено намного ярче благодаря свету, проникающему через окна. Белым стенам храма из айвори было достаточно даже небольшого количества солнечного света, чтобы начало казаться будто они ослепительно сияют.

— Это главный вход в благородную часть, используемый, когда синие священники покидают

или возвращаются в храм. Столы и стулья в этом вестибюле иногда используются ими когда им приходится ждать кого либо, — объяснил Фран. Такое, к примеру происходило, во время одновременного выезда многих синих священников, когда для этого использовались экипажи. Например, во время таких мероприятий, как Церемония звёздного сплетения и Фестиваль Урожая.

— Вильма говорила что тут есть комнаты ожидания, доступные не для всех... — протянула и замолкла Моника, когда она в соседнем атриуме увидела входной вестибюль этажом ниже.

— Ах, да. В прошлом синие священники пользовались комнатами ожидания, чтобы их не видели мужчины, и поэтому со временем стало обычаем, что мужчины пользовались залом перед входом, в то время как женщины пользовались комнатами. Пожалуйста, уводите госпожу Розмайн в комнаты ожидания, когда это будет необходимо.

— Понятно, — кивнула Моника. Но что меня заинтересовало, так это большая, широкая лестница. Она закручивалась спиралью так высоко, что мне пришлось запрокинуть голову, когда я попыталась увидеть где же она заканчивается.

— Фран, эта лестница для синих священниц, направляющихся в свои покои? Не похоже, чтобы она была связана с первым этажом.

— Эта лестница используется исключительно тогда, когда синие священники намерены выйти из передних, парадных врат, поэтому она действительно не соединена с первым этажом. Поскольку в настоящее время нет других синих священников, кроме госпожи Розмайн, третий этаж в настоящее время закрыт.

Похоже, госпоже Розмайн пришлось бы пользоваться этой лестницей, если бы она не была главой храма и директором приюта. Но если она когда-нибудь перестанет быть директором приюта, у всего приюта наверняка будут большие проблемы.

Я молюсь, чтобы день, когда госпоже Розмайн придется пользоваться этой лестницей, никогда не наступил. Восхвалим же богов!

— Никола, приношу свои извинения за то, что прерываю твои молитвы, но, пожалуйста, будь внимательна к моим словам. Теперь вы должны узнать, где находится зал для собраний и обсуждений, — сказал Фран, снова возвращая меня из своих мыслей.

С этими словами мы повернули обратно в том направлении, откуда пришли, и свернули направо по другому коридору.

— Это зал для совещаний. Здесь определяется, как будут распределены провинции между синими священниками на время Весеннего молебна, Праздника урожая и так далее. В большинстве случаев именно я буду сопровождать госпожу Розмайн на такие встречи, но вам не будет лишним запомнить это место на случай, если придет время, когда вам придется делать это вместо меня.

Оттуда мы продолжили свой путь, идя вдоль зала собраний, пока не дошли до угла, где Фран остановился. Прямо впереди был атриум, и солнечный свет струился из расположенных рядом окон.

— Здесь, конечно, много атриумов... - заметила я.

— Верно. Они необходимы для того, чтобы пропускать внутрь дневной свет. Во всех здешних жилых комнатах без исключения есть окна, все ради того, чтобы священники могли наслаждаться им. Старайтесь говорить потише, так как в настоящее время многие из этих покоев используются. Итак... Я покажу вам самую важную комнату во всем храме, которую должен знать каждый слуга госпожи Розмайн.

Мы повернули еще раз направо и некоторое время продолжали идти, пока не достигли двери.

— Вот она, — сказал Фран, открывая ее, чтобы показать столы, стулья и книжные полки, на которых было несколько книг, на вроде тех, что я видела в покоях госпожи Розмайн зимой. — Это книжный зал. Документы, используемые в управлении храмом, хранятся на этих полках. Я полагаю, вы обе будете довольно часто бывать в этой комнате, так как госпожу Розмайн все время так и тянет сюда. Когда она начинает читать книгу, ее не сдвинуть с места до самого шестого колокола. Таким образом, наша важная обязанность как ее личных слуг — брать книги из этой комнаты и уговаривать ее читать в её собственных покоях вместо того, чтобы делать это здесь. Хорошенько запомните это.

До этого момента Фран следовал наставлениям главного священника, когда брал книги для леди Розмайн. Но теперь, когда та стала главой храма, она могла сама распоряжаться ключами от книжной комнаты, а это означало, что она могла приходить и уходить, когда ей заблагорассудится. Фран этими словами предупреждал нас, что удерживать её подальше от книжной комнаты любыми возможными способами скоро станет нашей самой важной работой.

— Эм... Нам действительно нужно будет вести подобные схватки, и книжный зал станет нашим полем битвы? Это совсем не похоже на то, что, как я ожидала, должны делать слуги.

— Твои предположения во многом верны. У меня не было таких забот, когда я служил главному священнику. Надобность в подобных действиях испытывают исключительно те, кто служит госпоже Розмайн, — ответил Фран.

У меня слегка отвисла челюсть. Я не могла поверить, что у меня оказывается будет дополнительная забота. И еще какая!

Моника тихонько хихикнула.

— Теперь я припоминаю, почему Вильма однажды сказала, что каждый хозяин хотя бы и немного но всегда отличается от предыдущего, и что ты никогда не можешь быть уверена в том, чего от тебя ожидают, пока ты не приступишь к служению своему господину. Похоже, что

когда Вильма и Розина служили синей священнице по имени Кристина, от них ожидалось только сочинять музыку, играть на инструментах и создавать произведения искусства.

— Ну, я не сильна в искусстве или в чем-то подобном... Я предпочитаю помогать на кухне, так что я рада, что госпожа Розмайн выбрала меня! — воскликнула я, почти мгновенно оправившись от накрывшего меня потрясения.

Моника разразилась коротким приступом хихиканья, и даже Фран улыбнулся.

— Госпожа Кристина тоже была необычной синей священницей, но я бы сказал, что госпожа Розмайн и вправду единственная в своем роде, — сказал он. — Я никогда не слышал ни о каком синем священнике или священнице, которая проявляли бы такое сострадание к сиротам, ни о ком, кто имел связи с нижним городом и столь усердно зарабатывал деньги, занимаясь торговым делом. Это первый раз, когда я служу человеку, который одновременно является директором приюта и главой храма, доверяет приготовление пищи серым служительницам и страстно желает провести весь день в холодной комнате для книг, даже если это означает, что после этого она будет прикована к постели в течение трех дней.

У Франа было серьезное выражение лица, когда он проговаривал эти слова, и только тогда я поняла, как много ему приходится делать ранее неслыханного, необычного и непривычного на службе госпоже Розмайн. Я не могла удержаться от смеха при мысли о том, что он со своим всегда тщательно удерживаемым бесстрастным выражением лица, наверно очень часто размышляет как выбраться из щекотливых ситуаций, созданных его хозяйкой, которая даже не подозревает что за чувства испытывает в эти моменты ее главный слуга.

— Фран, тебе, конечно, нелегко приходится.

— Верно, это нелегко, но служить госпоже Розмайн — стоящее дело. На самом деле, Никола... она также первый человек, которая взяла сразу двух новых слуг, несмотря на то, что ей нужна была только одна, просто потому, что зимой ей помогали две серые служительницы, и она не хотела оставлять одну, отказывая второй.

Я и Моника переглянулись. Мы уже знали, что нам повезло, что нас выбрали в качестве слуг вместе, но мы не знали, что причиной этому была исключительно добрая воля госпожи Розмайн. Если бы она выбрала только одну из нас, то это, безусловно, была бы Моника; она была намного опытнее меня, так что это было бы верное решение, но я все равно умирала бы от зависти.

Я действительно благословлена!..

Это была моя хозяйка, госпожа Розмайн, которая спасла приют, проявила заботу при выборе своих слуг и научила даже такую как я, что такое на самом деле хорошая еда. Если она выбрала меня в качестве одной из своих слуг по какой то необычной, странной причине, то у меня в сердце, не было ничего, кроме благодарности за эту ее необычность в принятии решений.

— Вам обоим не мешало бы быть благодарными госпоже Розмайн за подобную заботу и служить ей должным образом.

— Правильно.

Когда я снова собралась с духом, намереваясь служить госпоже Розмайн как можно лучше, я заметила, что дверь дальше по коридору к западу от книжной комнаты была широко открыта.

— Фран, вон в той комнате... Похоже, что дверь в неё открыта. Что-то происходит?

— Синий священник переносит свои вещи из одних покоев в другие. Не пялься, Никола.

— Ах, конечно. Извини.

Мы прошли мимо книжной комнаты и продолжали идти, пока не дошли до конца коридора. Фран повернул направо и пошел дальше, затем указал на дверь.

— Это комната главного священника. Госпожа Розмайн чаще всего будет приходить сюда, так как она каждый день помогает ему с работой с третьего по четвертый колокол. Вы двое тоже будете помогать.

— Ох? Нам тоже понадобится помогать?..

— Разве это не очевидно? Главный священник берет на себя основную часть обязанностей главы храма госпожи Розмайн, так что помогая мы просто напросто выполняем свои прямые обязанности.

Фран раньше служил главному священнику — человеку, о котором говорили, что он невероятно строг и который раньше даже уволил нескольких своих слуг.

Я ужасна в письме... Я надеюсь, что смогу быть хоть чем-то полезна.

Это была просто еще одна область, где я была хуже Моники. Пока я стояла, расстроено свесив голову, Фран продолжал объяснение:

— При нормальных обстоятельствах покои главного священника располагались бы в противоположном конце зала от покоев главы храма или прямо напротив его дверей. Но главный священник был так погружен в дела, когда занял эту должность, что просто продолжил пользоваться покоями в которых обитал до этого.

Фран уже упоминал, что главный священник был назначен на свою должность как раз в тот

момент, когда храм покинуло много священников, а это означало, что ему пришлось взять на себя больше работы, чем обычно.

— Разве он не собирается сейчас переехать в другое место? — спросила Моника. — Особенно учитывая, что госпожа Розмайн сейчас переезжает в покои главы храма.

Фран невесело улыбнулся и ответил:

— Главный священник, несомненно, будет еще более занят теперь, когда он помогает госпоже Розмайн в ее работе главы храма, поэтому я не думаю, что у него есть время на переезд. И, несмотря на свою молодость, госпожа Розмайн все же женщина. Главный священник приказал всем синим священникам, живущим по соседству с покоем главы храма, переехать подальше, и поэтому я сомневаюсь, что он сам переедет ближе.

Священник, переезд которого мы застали, по-видимому, также получил от главного священника приказ о смене покоев.

— Покои рядом с комнатами главы храма будут превращены в мужские и женские покои для рыцарей сопровождения госпожи Розмайн. Таким образом, все комнаты к западу от этих дверей будут принадлежать тем, кто напрямую связан с ней.

Повернув назад и пройдя мимо дверей, ведущих к дворянским воротам, мы остановились перед другой комнатой.

— За этой дверью находится церемониальный зал для Ритуала Посвящения.

— Ритуал Посвящения?..

Это название ни о чем мне не говорило, я была уверена, что все церемонии и прочее проводились в часовне храма, где находились статуи всех богов. Мысль о том, что подобный ритуал может проводиться где-то еще, попросту сбивала меня с толку.

— Это важный зимний ритуал, во время которого синие священники в благородной части храма жертвуют свою ману божественным инструментам. Я расскажу вам более подробно, когда зима будет ближе. Сегодня я прошу вас прочитать эти доски и осмотреть жилые комнаты главы храма.

Фран передал Монике и мне доски, которые он нес все это время. На них были написанные рукой Розины размеры и инструкции, подробно описывающие необходимые для покоев главы храма мебель и другие вещи.

Пока мы читали таблички, Фран открыл нам дверь.

— Это покои главы храма, — сказал он.

Внутри те были совершенно пустыми из-за того, что все их прежнее содержимое уже было вынесено, и эта пустота заставляла выглядеть покой больше, чем он был на самом деле.

— Купцы и ремесленники, отобранные семьей госпожи Розмайн, придут в большом количестве, чтобы подготовить эти комнаты в соответствии с указанием и выбором Розины. От вас двоих ожидается, что вы возьмете на себя руководство ими, добиваясь точного исполнения указанного на переданных вам досках.

— Э? Эээ!?

Пока я переводила взгляд с Франа на Монику и на доски, Моника оторопело смотрела на Франа со встревоженным выражением лица, которое, как мне казалось, было и у меня.

— Фран, Я... Я никогда раньше никем не повелевала.

Мы были слугами-ученицами, которых только что взяли на службу. На наших должностях мы всегда следовали приказам, иногда спрашивая совета у тех, у кого больше опыта, чем у нас. Мы, конечно же, не были в состоянии указывать кому-либо, как что делать.

Когда мы с Моникой испуганно отрицательно качали головами в ответ на неожиданные приказы Франа, он спокойно улыбнулся.

— Не волнуйтесь. Гил настолько повзрослел и укрепился разумом, что способен отдавать очень здравые приказы и успешно управлять мастерской, и я могу заверить вас, что вы обе тоже способны на подобное. К этому просто нужно немного привыкнуть.

— Нам такое не по силам! Подобное просто невозможно!

— Спасение сиротского приюта также считалось невозможным, но леди Розмайн все равно сделала это. Прилагать все усилия для выполнения даже самых невероятных повелений — свойство, что крайне необходимо слугам госпожи Розмайн, — сказал Фран, выражение его лица ясно давало понять, что он не примет никаких возражений. Затем, когда мы с Моникой крепче вцепились в деревянные доски, едва сдерживая рвущиеся крики, он продолжил: — Теперь я объясню, где следует разместить мебель. Слушайте внимательно, так как я скажу это только один раз.

— Только один раз?!

Когда слезы навернулись на мои глаза от этой неожиданной жестокости, в моей голове промелькнули слова, которые Розина сказала мне не так давно.

О нет, Фран очень суров. «Заботливый и деликатный» — это последние слова, которое я бы использовала, чтобы описать его.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/2375196>